

Абрамова Елена, г. Ялта

МБУК «ЯЦБС», б.ф.25 (юношеская)

Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус.

Ассоль открывает глаза, и тень этой фразы медленно тает в ее сознании. Она лежит еще пару минут, глядя на темные доски над головой, прежде чем все-таки откинуть одеяло. Остатки тепла тут же растворяются в холоде нетопленного дома. Мелко дрожа, Ассоль садится, заставив кровать скрипнуть и прогнуться под ее весом, и начинает неторопливо одеваться: натягивает толстые юбки одну на другую, обматывает стопы и лодыжки шерстяными полосками, с трудом ворочая непослушными пальцами. По крыше, будто барабанные палочки, стучат ветки. Наконец, закончив, Ассоль встает, чувствуя, с каким трудом слушаются ее одеревеневшие конечности, и накидывает на плечи шаль. Рыжий кот, высунувший свою треугольную голову из вороха одеял, тут же прячется обратно, свернувшись тугим клубком и больше ни разу не пошевелившись, пока она идет к двери.

Сейчас-сейчас. Она затопит очаг, приготовит кашу из остатков зерна на дне мешка и, возможно, сядет за шитье. Но это будет потом. А сперва...

Едва переставляя ноги и вся скрипя, будто несмазанная тележка, Ассоль проходит мимо стола с разбросанными на нем нитками и разноцветной, пусть и выцветшей, пряжей и наконец-то смыкает пальцы на ручке. Свистящий в щелях усохших стен ветер внезапно кидается ей в лицо, растрепав белые волосы. Его прикосновения похожи на удары тяжелой руки. Ассоль всем сердцем жаждет захлопнуть дверь и вернуться в постель, не поев и даже не взяв в руки иглы, но она никогда не изменила своему ритуалу.

Возможно, это вообще последнее, что держит вместе ее плоть, кровь и кости после того, как отца не стало.

Зажмурившись так, что сухое лицо превращается в одну сплошную морщину, Ассоль решительно шагает вперед, и ветер вырывает из ее рук дверь и захлопывает ее так, что та трясется на петлях. Мол, иди давай, не мешай мне буйствовать. Наверное, этот ветер молод – если судить по человеческим меркам. Ассоль плотнее затягивает косынку. Что за глупости в голову лезут. В последний раз поглядев на серое, с желтоватой полосой рассвета на горизонте, небо, бредет она к морю, не отрывая глаз от промерзшей земли. Редкие люди, которых нужда выгнала наружу в такую погоду, в которую и Дьявол не вылезет, не обращают на нее особого внимания. Они давно уже не

кричат в спину – только смотрят. И Ассоль чувствует, как их взгляды опускаются ей на спину, будто хищные птицы, и невольно горбится от этого невидимого веса.

Еще издалека слышит, что море, ее единственный друг, обычно льнувший к ногам, как щенок, сегодня бурлит и пенится, как вода в бурлящем котле. В воздухе стоит запах соли, водорослей и вони протухшей рыбы. Ассоль еще не видит волн, но ей кажется, что до лица уже долетают холодные брызги. Несмотря на усиливающийся ветер, вырывающий шаль из скрюченных пальцев, она ускоряет шаг. Море становится видно так резко, будто оно выпрыгивает из-под земли. Темно-синяя вода клокочет, вспыхивая волнами, как огонь – языками пламени, и они, изгибаясь, с громким шипением утаскивают с пристани то, что моряки не успели убрать, с бультыханием сбрасывая вниз. У самой кромки пузырится пена, то спадая, то вновь поднимаясь, будто в пивном стакане.

И там, будто в сердце зарождающегося шторма, у пристани стоит корабль. Ассоль кажется, что в груди у нее ноет так, будто сердце лопнуло стеклянными осколками. По кораблю бегают матросы, всеми силами пытаются снять паруса, трепещущие на ветру, будто птичьи крылья – или алые лепестки. Вся усталость, тяжесть, слабость – все пропадает, когда Ассоль срывается с места и бежит, спотыкаясь и поскальзываясь, вниз к морскому берегу. Он приехал! Все эти годы она ждала не зря, и вот алый парусник причалил к их порту. Едва видя из-за застелившей глаза пелены, Ассоль врывается в морской поток, прямо в бушующие волны, и кричит сквозь ветер:

– Я здесь, я здесь! Это я!

Она успела, она прибежала, чтобы... чтобы что? Обнять капитана своими сморщившимися старушечьими руками? Улыбнуться так, что морщины стянут осунувшееся лицо? Любить? А как это – любить?

Ассоль вдруг внезапно понимает, как страшно возвышается над ней черной тенью корабль. Одежда вся прилипла к коже и теперь тянет вниз отяжелевшие конечности. Ее голоса никто не расслышал среди выкриков матросов, шума моря и громких всплесков. Ассоль открывает рот, чтобы крикнуть еще раз, и в это мгновение по ее телу бьет волна, опалив горло холодной водой. Она закашливается, едва удержавшись на ногах, и волна бьет еще раз. Ассоль падает, в тщетной попытке взмахнув рукой и с всплеском идет ко дну.

Однажды... дали... сверкнет а...л..ы па....

Резкий рывок и ослепительный свет обрушиваются на нее, будто каменный обвал. Лишь спустя пару минут, наполненных кашлем и выплескивающейся изо рта водой Ассоль обнаруживает себя сидящей на мокром песке и содрогающейся от холода. Какой-то старый моряк трясет ее за плечо и ругает на чем свет стоит. Ассоль стряхивает его ладони и дрожащими руками протирает глаза.

– Что это за корабль?

– Энтот-то? Вроде тюки с чаем везет, поди разбери, вон как потрепало. – моряк помогает ей подняться. – Ты чего в воду полезла, полоумная?

Ассоль поднимает глаза. Почти со всеми парусами удалось совладать, и весь экипаж возится с одним. В глазах проясняется. Слабо болтаясь на ветру, дрожит грязно-желтых, в каких-то пятнах, парус, и его больше не подсвечивают розовые рассветные лучи.

Только старушечьи глаза способны принять его за алый.

Ассоль просыпается на пике крика, подскакивает, и, надломленная, падает обратно. Простыни тут же прилипают к коже, как и одеяло, но Ассоль боится отбросить его – и обнаружить под ним морщинистое немощное тело. Кажется, даже, что она все еще слышит рокот волн, пока не понимает, что это шум ее собственной крови в ушах. Глядя на темные доски, покачивающийся, будто потолок каюты, Ассоль осторожно выпрямляет руки вдоль тела и подрагивающими пальцами ощупывает гладкую кожу бедер и плоский живот. Наконец, она осмеливается вытащить на лунный свет ладони и приглядеться. Видно едва-едва, но этого достаточно, чтобы Ассоль выдохнула. Она все еще молодая, не старуха.

Или не все еще, а *пока что*?

Сердце опять начинает быстро-быстро колотиться в груди. Сколько лет она уже верит в алые паруса? А сколько еще будет верить, все глубже зарываясь в сказки, пока года ложатся на лицо отца морщина за морщиной?

Ассоль вскакивает на ноги, касаясь ступнями голого пола. Внезапно ее охватывает странное возбуждение, ликование, даже решимость. Старик сказал, что за Ассоль придет парусник? А дети называли ее отца убийцей.

Конечно, в первое хотелось верить больше, чем во второе, но это не делало ни то, ни другое правдой.

По спине пробегают мурашки, и Ассоль рывком распахивает занавески и вглядывается вдаль, на тихое ночное небо. Нет. Она больше не будет ждать. Если принцу суждено найти ее и увезти с собой – пусть так. Но Ассоль не будет безвольной овцой. Она сама добьется того, что алые паруса загорятся у этих берегов.

Раздается тихий скрип, и дверь открывается, впуская отца с трубкой в руке. Видимо, сраженный бессонницей, он пыхтел дымом снаружи, и теперь, зайдя, натывается на взбудораженную Ассоль, стоящую посреди комнаты. По усталому лицу пробегают тень беспокойства. Неловко опустив руку с трубкой, отец подходит ближе, вглядываясь в ее лицо.

– В чем дело, милая? У тебя жар?

Ассоль качает головой, и, улыбнувшись, забирается обратно в постель.

– Ничего. Просто сон приснился.

Отец с облегчением выдыхает, и, погладив ее по голове, направляется в сторону своей кровати. Ассоль закрывает глаза и пытается заснуть, но в голове пчелами роятся мысли. Завтра, уже завтра она возьмет в руки иглу и будет шить, пока не зануют пальцы. Их с отцом не любят? Шаями ее, Ассоль, будут восхищаться, за вышивкой встанут в очередь. Принц? О ней услышит сам король. До мозолей, до крови пальцы сотрет. Но станет лучшей.

Почти уйдя, отец вдруг замирает.

– Что за сон тебе снился?

– Плохая сказка.

А хорошую Ассоль сочинит сама. Если надо – сошьет алые паруса своими руками.

И однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет...